

«ЗНАК КАЧЕСТВА» ИЛИ «ЧЁРНАЯ МЕТКА»? НАТО КАК МАРКЕР СТАТУСА ГОСУДАРСТВ

И.А. Истомин, И.В. Болгова, А.П. Соколов, В.А. Аватков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Московский государственный лингвистический университет
Дипломатическая академия МИД России

Символическое значение участия стран в Североатлантическом альянсе широко признаётся отечественными и зарубежными специалистами. Вместе с тем попыток систематической оценки роли НАТО как маркера политического статуса государств с опорой на сопоставление различных примеров как периода холодной войны, так и последующих десятилетий не предпринималось. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, оценив не только положительные, но и негативные последствия обретения субъектами статусных позиций в результате членства в альянсе. Для того чтобы определить возможные противоречия, выгоды и издержки для государств от участия в НАТО, авторы рассмотрели опыт трёх крупных участников объединения – Германии, Турции и Франции. Он позволяет проследить статусные последствия участия в блоке для субъектов, чьи материальные возможности и общий символический капитал в международной системе претерпевают различные виды изменений. Изучение теоретической литературы и эмпирического опыта государств-членов Североатлантического альянса подтверждает, что в международной системе субъекты конкурируют за крайне дифференцированный символический капитал, воплощающий множество типов признания. Статусные маркеры оказываются сложными социальными конструктами, нагруженными разнообразными смысловыми функциями. В результате, во многих случаях государства не способны контролировать то, какие статусные последствия будут иметь их включение в те или иные институты. Несмотря на то, что они могут быть заинтересованы только в части смыслов, ассоциируемых с некоторым маркером, они вынуждены учитывать наличие у него других политических коннотаций. Для отдельных государств-членов НАТО участие в альянсе имеет принципиально разное значение. Наибольшие сложности возникают, когда несколько смыслов оказываются в равной степени актуальны для одного и того же государства при том, что часть из них оценивается позитивно, а другая – негативно. Кроме того, субъекты могут сталкиваться с противоречием между статусными и практическими последствиями участия в объединении.

Ключевые слова: НАТО, военно-политический союз, символический капитал, статус, международные институты, статусные маркеры, Франция, Германия, Турция.

УДК 327.3

Поступила в редакцию 12.05.2018 г.

Принята к публикации 05.03.2019 г.

Организация Североатлантического договора с момента своего появления претендовала на то, чтобы выступать не только военно-политическим блоком, но и символом единства «свободного мира». Становление этой организации происходило на фоне интенсивного соперничества двух универсалистских идеологий, что нашло отражение в формировании её ценностной матрицы. В этой связи, например, Испания оставалась вне западных структур коллективной обороны вплоть до распада франкистского режима (несмотря на то, что находилась в двустороннем союзе с Соединёнными Штатами) [53].

Отнюдь не все международные объединения характеризуются такой идеологической нагруженностью. Военно-политические союзы европейских государств конца XIX – начала XX вв. формировались исключительно на прагматических основаниях, что не мешало им оставаться относительно устойчивыми [59]. Вместе с тем участие во многих международных институтах порождает не только практические последствия, но также может оказывать влияние на статус субъектов в мировом сообществе. Приобретение таких нематериальных благ порой становится непосредственной целью их политики, а в иных случаях выступает её побочным результатом, но было бы неправильным игнорировать значение символического капитала в международных взаимодействиях.

Символическое значение участия стран в Североатлантическом альянсе широко признаётся отечественными и зарубежными специалистами. Отсылка к статусным соображениям неизменно присутствует при обсуждении опоры США на НАТО в их глобальной стратегии, выхода Франции из военных структур организации в 1970-х или, например, вступления в неё стран Центральной и Восточной Европы в 1990-х – 2000-х гг. Вместе с тем попыток систематической оценки роли НАТО как маркера политического статуса государств с опорой на сопоставление различных примеров как периода холодной войны, так и последующих десятилетий не предпринималось.

Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, оценив не только положительные, но и негативные последствия обретения субъектами статусных позиций, в результате членства в Североатлантическом альянсе. Для того чтобы определить возможные противоречия, выгоды и издержки для государств от участия в НАТО, авторы рассмотрели опыт трёх крупных представителей объединения – Германии, Турции и Франции.

Они сознательно отказались от выявления статусных последствий трансатлантического партнёрства для Соединённых Штатов, исходя из того, что США как неоспоримый лидер союза обладают наибольшими возможностями манипулирования институциональными условиями его функционирования. В этой связи они в меньшей степени сталкиваются с дилеммами статусного позиционирования в контексте участия в НАТО. Аналогичным образом из рассмотрения были исключены меньшие государства-члены альянса на том основании, что присоединение к столь влиятельному международному объединению, да ещё и с ограниченным членством, априори представляет большую ценность для них.

В результате, для анализа были отобраны пограничные случаи – относительно крупные игроки, которые, тем не менее, не располагают потенциалом для того, чтобы доминировать в альянсе. Кроме того, опыт Германии, Франции и Турции позволяет проследить различные соотношения статусных последствий участия в НАТО для государств, чьи материальные возможности и общий символический капитал растёт или снижается в международной системе. Вместе с тем прежде, чем перейти к углублённому рассмотрению значения Североатлантического альянса как институционального маркера позиций отдельных стран, в статье осмысляются теоретические основания исследования статуса субъектов международной политики.

Международные институты как статусные маркеры

Международно-политические исследования после холодной войны отмечены ростом интереса к значению символического капитала в межгосударственных взаимодействиях в противовес сугубому материализму трудов времён «зрелой биполярности»¹. Несмотря на то, что первоначально фокусирование на нематериальных благах ассоциировалось с конструктивистским ответвлением теории [67], к концу 2000-х гг. они стали объектом пристального внимания представителей других исследовательских традиций, в том числе реализма [16, с. 162-163].

Основным проявлением символического капитала в международной политике выступают статусные позиции, связанные с присвоением государствам специфических прав и обязанностей. Таким образом, статус субъекта имеет априори социальную природу – обладание им зависит от признания другими его привилегированного (или наоборот маргинального) положения [49]. В то же время символический капитал находится в диалектических отношениях с материальными возможностями государств. Приобретение высокого статуса в международной политике, нередко обусловлено демонстрацией военных или экономических возможностей субъекта². Тем не менее, статусное позиционирование, основанное только на страхе, не всегда в полной мере удовлетворяет социальные притязания государств – достаточно вспомнить сохраняющееся на протяжении столетий стремление России быть признанной как часть европейского сообщества [47].

В международной политике присутствует и обратная взаимосвязь. Ещё на этапе становления теории международных отношений в 1940-х гг. Г. Моргентау обращал внимание на конвертацию такого нематериального блага как престиж в повышение вероятности сохранения или расширения контроля над территории-

¹ О концепции символического капитала см. [3, с. 219-238]. В связи с текущими трендами в изучении мировой политики П.А. Цыганков указывает на формирование отдельной новой субдисциплины – социологии международных отношений.

² В этой связи Р. Гилпин характеризовал престиж как «репутацию относительно силы» [30, с. 30].

ей. Одновременно основатель реализма признавал, что порой государства стремятся к социальному признанию как к самостоятельной ценности [46, с. 55-58].

Серьёзным вызовом исследованию роли символического капитала в международных отношениях остаётся проблема эмпирической верификации. Исследователи сталкиваются со сложностями в определении того, каким образом государства удостоверяются, что обладают теми статусными позициями, на которые рассчитывают? Насколько устойчивым и транзитивным между различными социальными контекстами выступает это признание?

В условиях, когда иерархии государств в международной системе в значительной степени остаются неформализованными, оценка распределения контроля над символическим капиталом связана с высокой неопределённостью. Соответственно, возникает потребность в механизмах подтверждения признания со стороны других государств, то есть в статусных маркерах [35, с. 502]. Наиболее явственным проявлением такого маркирования выступает освещённая традицией система дипломатического представительства и протокола. В ней стремление государств к признанию проявляется рельефно и порой даже гротескно. Чего стоит только обозначение официальных представителей государств как *Чрезвычайных и Полномочных Послов* – наличие «ординарных» послов современной дипломатической практикой фактически не предусмотрено.

Вместе с тем само распространение дипломатических привилегий на всех государственных участников международной системы нивелирует значение протокола как инструмента маркирования³. Подобный эффект демонстрирует особенность сигнализирования в сфере символического капитала. Несмотря на то, что устойчивость статусной позиции зависит от максимально широкого признания привилегированного положения со стороны других государств, ценность маркера определяется не только тем, на кого он распространяется, но и тем, насколько большая часть международного сообщества исключается из обладания им.

В этой связи механизмы подтверждения признания должны отвечать частично противоречащим друг другу требованиям. С одной стороны, от них требуется быть достаточно инклюзивными, чтобы аккумулировать легитимность. В случае если за рамками института остаются по-настоящему влиятельные игроки, они способны подорвать его авторитет созданием параллельных структур⁴. С другой – относительно эксклюзивными с тем, чтобы выделять именно тех, кто действительно заслуживает права пользоваться привилегированным положением. Кроме того, как уже было отмечено выше, они должны быть достаточно устойчивы и заметны на общем мирополитическом ландшафте, чтобы обеспечивать успешное различение и фиксирование статусных позиций.

³ В то же время из привилегий, относящихся к системе дипломатическим представительства, показательно исключены негосударственные субъекты.

⁴ Такой стратегией, в частности, ответили страны БРИКС на статусную дискриминацию со стороны западных стран [40].

В результате одним из важнейших маркеров в современной международной системе выступают межгосударственные ассоциации, не предполагающие универсальное участие. В этом контексте членство в ООН, а также во многих специализированных глобальных институтах (таких как Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, Международный союз электросвязи) не несёт в себе существенной символической ценности (кроме как для непризнанных государств и государствовподобных образований). Аналогичным образом, ряд международных экономических организаций (таких как Всемирный банк, МВФ, ГАТТ/ВТО), созданных развитыми странами в годы холодной войны, после распада биполярности утратили значение статусных маркеров в связи со стремительным увеличением их состава. Участие в других организациях содержит ограниченный потенциал социальной дифференциации по причинам их институциональной слабости или остроты противоречий между членами (например, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии или Организация Восточно-карибских государств).

Несмотря на наличие подобных негативных примеров, активно функционирующая, успешно реализующая свой институциональный мандат организация с ограниченным членством выступает едва ли не как самый яркий и устойчивый статусный маркер в условиях анархичной международной среды. Тот факт, что число подобных объединений остаётся ограниченным (в качестве примеров можно привести АСЕАН, ЕС, ОЭСР), ещё более укрепляет их полезность в качестве механизмов закрепления социального признания.

При этом необходимо отметить возможность многозначности статусных маркеров. Большая часть литературы, посвящённой символическому капиталу в международных отношениях, рассматривает его как относительно гомогенное благо⁵. В этой связи политика государств, направленная на приобретение международного признания, представляется в качестве одностороннего процесса продвижения от более низкого статуса к более высокому. Достижения на этом пути фиксируются приобщением к всё большему числу маркеров.

Между тем статусные позиции государств сами по себе могут быть неоднородны. Они могут включать в себя множество аспектов, предполагающих признание различных привилегий, но также формирующих специфические ожидания, ограничивающих поведение субъекта. В результате закрепление государства в некотором статусе может лишать его других форм символического капитала. Таким образом, субъекты могут сталкиваться с ситуацией, в которой приобщение к некоторому статусному маркеру может предполагать не только повышение статуса, но и утрату некоторых типов социального признания. В этом случае, символический капитал превращается из актива в пассив, от которого нужно избавиться.

⁵ См., например [50; 65].

Государство может также предпочесть сохранение доли неопределённости в отношении своих статусных позиций, и в этой связи избегать некоторых маркеров, её проясняющих. В частности, показателен пример Китая, который позиционирует себя одновременно как крупную мировую державу (ответственную державу) и как развивающуюся страну. В этой связи, он стремится избегать ассоциации с рядом центральных институтов западного мира (таких как «группа семи» или ОЭСР), но при этом укрепляет своё положение в тех организациях, которые были созданы развитыми странами, но приобрели глобальный охват (Всемирный банк, ВТО, МВФ). Со временем ему становится всё сложнее балансировать между двумя типами статусных позиций, на которые он претендует [27].

Военно-политические альянсы представляют собой тип института, который может закреплять весомый символический капитал в мировой политике. С одной стороны, формальные, долговременные союзы оказываются относительно устойчивыми и располагают значимым институциональным мандатом (от них зависит выживание государств), что повышает их различительный потенциал в международной среде⁶. С другой, такие объединения выступают достаточно эксклюзивными для того, чтобы избежать размывания статусных привилегий их участников.

В результате способность военно-политических альянсов фиксировать статусные позиции субъектов зависит, в первую очередь, от аккумулируемого его членами совокупного потенциала. От него зависит уровень и характер международного признания, который ассоциируется с таким объединением. Организация североатлантического договора – как формальный союз, включающий в свой состав самую мощную в военном, технологическом и экономическом плане державу, а также ряд других крупных игроков, располагает крайне весомым потенциалом статусного маркирования.

Опыт функционирования НАТО предоставляет богатую эмпирическую практику для изучения динамики использования государствами ассоциируемого с ним символического капитала в определении собственного позиционирования в международной политике. С самого появления этой организации, членство в ней было связано не только с участием в военно-политическом взаимодействии, но и оказывалось нагруженным ценностными смыслами. Североатлантический альянс представлялся как сообщество либеральных, демократических, рыночных стран в противовес советскому лагерю⁷. Он также объединял индустриально развитые страны, обладающие значительной технологической и хозяйственной базой, в отличие от других союзников США.

⁶ Об определении военно-политических альянсов см. [41, с. 238-240].

⁷ Упоминание либерально-демократических ценностей содержится уже в преамбуле Вашингтонского договора, заложившего юридическую основу альянса (см. The North Atlantic Treaty. Washington. 04.04.1949. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (accessed 30.04.2019)). Об истоках НАТО в формировании сообщества демократий см. [52, с. 33]. Критику представления НАТО как организации, основанной на общих ценностях, см. в [58].

После окончания холодной войны ценностный аспект в деятельности НАТО не только не уменьшился, но на фоне исчезновения задач оборонного балансирования стал играть ещё большую роль. Он способствовал сохранению организации и поиску новой миссии для неё [66]. В контексте обострения отношений между Россией и Западом в 2010-х гг. значение НАТО как статусного маркера также сохранилось. Блок вновь позиционирует себя как оплот либерального миропорядка, который пытаются подорвать авторитарные ревизионисты⁸.

В то же время особенностью символического капитала НАТО остаётся ассоциация блока с американским лидерством. Подобная увязка в ряде случаев может оказываться неудобной для государств, стремящихся к позиционированию на международной арене в качестве влиятельных самостоятельных игроков. В этой связи в последующих разделах статьи будет рассмотрен практический опыт отдельных стран (Германии, Франции и Турции) по актуализации смыслов, обусловленных принадлежностью к НАТО или дистанцированию от него.

Германия: расширение свободы рук через институциональное связывание

Политика ФРГ в отношении НАТО предстаёт одной из наиболее явственных иллюстраций обращения к Североатлантическому альянсу в качестве институционального маркера, обеспечивающего приобретение страной желаемого статуса. Опора на блок как на краеугольную опору её политики кажется тем более парадоксальной, что одной из первоначальных целей формирования военно-политического союза открыто провозглашалось сохранение контроля над Германией и предотвращение её ревизионизма⁹. Вместе с тем участие в НАТО позволило ФРГ добиться статуса полноправного и добропорядочного члена западного сообщества, разрешив стратегическую дилемму, с которой руководители сменявших друг друга германских государства сталкивались на протяжении предыдущего столетия.

С момента появления объединённой Германии в последней трети XIX в., её положение оставалось противоречивым – она была слишком крупным и мощным государством, провоцируя у соседей опасения относительно своих экспансионистских устремлений (реальных или даже предполагаемых), но при этом недостаточно сильным в материальном плане, чтобы установить устойчивую гегемонию в собственном регионе. В середине XX столетия эта структурная

⁸ См., например, документы двух последних саммитов НАТО в Уэльсе и в Варшаве (Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. NATO. 05.09.2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 30.04.2019); Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw. NATO. 09.07.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 30.04.2019)).

⁹ Уместно вспомнить известную формулу первого Генерального секретаря НАТО Гастингса Лайонеля Исмея относительно миссии организации: «держать Советский Союз вне [Европы], США – в, Германию под контролем» (“keep the Soviet Union out, the Americans in, and the Germans down”). NATO leaders – Lord Ismay. URL: https://www.nato.int/cps/su/natohq/declassified_137930.htm (accessed 30.04.2019)

проблема была отягощена опытом Первой и Второй мировых войн, инициатором которых в обоих случаях была признана Германия.

На этом фоне активное участие ФРГ в евро-атлантических военно-политических и экономических объединениях после Второй мировой войны предоставило ей возможность для восстановления и развития как относительно самостоятельного государства. Интеграция Бонна в западную систему союзов закрепляла раскол Германии, однако правительство Аденауэра предпочло пожертвовать перспективой восстановления национального единства в обозримой перспективе ради преодоления статуса изгоя в международном сообществе [15, с. 425-428].

Вступление в НАТО в 1955 г. не только определило место Западной Германии в диспозиции холодной войны, но и стало необходимым условием обретения ею положения «нормальной» страны. Благодаря членству в Североатлантическом альянсе Бонну удалось наладить отношения с Францией, которая продолжала испытывать глубокие подозрения в отношении традиционного противника [2]. Одновременно, он получил возможность относительно быстро восстановить оборонный потенциал после ликвидации германских вооружённых сил в 1945 г. К началу 1980-х гг. численность бундесвера составила почти полмиллиона человек¹⁰.

Для того чтобы такое наращивание военного потенциала стало возможно без обвинений в возрождении германского милитаризма, вооружённые силы страны были поставлены под прямой контроль Североатлантического альянса [4]. Это позволяло нивелировать опасения западных соседей ФРГ относительно восстановления германского могущества – формат ремилитаризации увязывался с потребностями НАТО, а не западногерманского правительства. В соответствии с Основным законом ФРГ, бундесвер запрещалось использовать в военных операциях за пределами Германии, что дополнительно закрепляло за ним ограниченный набор оборонительных функций¹¹.

Институционализация положения Бонна в западном сообществе в результате присоединения к НАТО также усилила его переговорные позиции в отношениях с лидером противоположного блока – Советским Союзом. В результате Москве пришлось форсировать процесс установления отношений с ФРГ, причём в значительной степени на условиях последней. В том числе советскому руководству не удалось добиться от Бонна отказа от политики активного противодействия международному признанию ГДР [10].

Роль НАТО как статусного маркера, подтверждающего миролюбивый характер ФРГ и её принадлежность к западному сообществу, вновь возросла в 1990-х гг. в контексте объединения Германии. Переговоры по этому вопросу,

¹⁰ Armee im Kalten Krieg. URL: <https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge> (accessed 30.04.2019)

¹¹ Art. 87a. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_87a.html (accessed 30.04.2019)

инициированные в 1990 г., вызвали рост опасений со стороны Франции, Великобритании, Польши. Все они боялись, что мощь объединённого германского государства станет источником дестабилизации устоявшегося европейского баланса [42, с. 32-33].

В соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии преодоление раскола страны сопровождалось практически полным снятием ограничений, которые были наложены на её политику бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Этот документ гарантировал объединённому германскому государству «полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами»¹². В отношении него сохранялись лишь отдельные ограничения в сфере военного строительства и разработки оружия массового уничтожения, оказавшиеся несущественными в условиях постбиполярного мира.

В то же время для ослабления упомянутых выше опасений соседей относительно возрождения германского экспансионизма для ФРГ принципиально важным стало закрепление статуса объединённой Германии как участницы НАТО. В результате, выдвигавшиеся первоначально идеи нейтрализации страны или даже параллельного роспуска Североатлантического альянса и Организации Варшавского договора так и оказались невостребованными. В переговорах с советским руководством Бонн добился для обновлённой Германии возможности остаться в составе западного блока [54].

Североатлантический альянс сохранился после 1991 г., несмотря на исчезновение противника, для сдерживания которого он создавался, и утверждения в те годы в качестве доминирующего дискурса о построении «целостной, неразделённой Европы». Полезность НАТО для её членов в значительной степени определялась её ролью в качестве институционального механизма поддержания американского присутствия в регионе. Последнее воспринималось западноевропейскими государствами в первую очередь как страховка от перерождения Германии в её прежнюю, агрессивную версию [26, с. 772-778].

Между тем сохранение НАТО и действенное выражение ФРГ лояльности альянсу обеспечило воспроизводство базовых условий, позволявших германскому государству, с одной стороны, поддерживать дружественные отношения с соседями, а с другой – активизировать внешнеполитическую деятельность. Более того, в 1990-х – 2000-х гг. под лозунгами блоковой солидарности Берлин серьёзно нарастил возможности использования своих вооружённых сил в экспедиционных миссиях.

Первоначально этот процесс разворачивался в контексте вовлечения НАТО в конфликты, вызванные распадом Югославии¹³. В 1994 г. Бундестаг одобрил

¹² Vertrag vom 12. September 1990 über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland (Zwei-plus-Vier-Vertrag). URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/243466/2851e102b9772a5772e9fdb8a978663/vertragstextoriginal-data.pdf> (accessed 30.04.2019)

¹³ Показательно, что ФРГ сыграла инициативную роль в этом процессе, став первой страной, признавшей Словению и Хорватию в качестве независимых государств.

изменения в Основной закон ФРГ, в соответствии с которыми бундесвер получил право участвовать в боевых операциях за пределами Германии¹⁴. Уже в следующем году германская авиация была задействована в ходе операции НАТО «Обдуманная сила», нанося бомбовые удары по позициям боснийских сербов. В 1999 г. люфтваффе также приняли участие в бомбардировках Югославии, осуществлявшихся Североатлантическим альянсом [14].

Закрепила новый статус ФРГ операция в Афганистане, в которой германские войска принимали участия с 2002 г.¹⁵. Хотя первоначально их размещение производилось в составе глобальной антитеррористической коалиции, с 2003 г. они действовали в рамках возглавляемых НАТО Международных сил содействия безопасности. В ходе этой миссии крупные сухопутные подразделения бундесвера были развёрнуты на севере страны и вступали в непосредственные боестолкновения с боевиками террористических организаций.

Таким образом, Берлин последовательно расширял сферу своей международной ответственности в рамках союзнических обязательств по НАТО. Подобный курс позволял, с одной стороны, сохранить статус ответственной либеральной западной державы, а с другой – подчёркивал добровольные ограничения, которые брала на себя Германия для минимизации опасений относительно возрождения её ревизионизма.

Серьёзный вызов стратегии Берлина создала война в Ираке 2003 г., в ходе которой наметился раскол в Североатлантическом альянсе. ФРГ приходилось выбирать между лояльностью США и Великобритании, с одной стороны, и Франции – с другой. В результате Германия проявила заметную гибкость: изначальная негативная позиция по вопросу вторжения в Ирак была достаточно быстро скорректирована в пользу попыток восстановления отношений с заокеанским союзником. Берлин предоставил возможность американским войскам использовать своё воздушное пространство для логистических целей [57], а после окончания боевых действий военнослужащие бундесвера вошли в состав военной миссии НАТО в Ираке, обеспечивая обучение новой иракской армии и решая задачи гуманитарного характера.

С точки зрения наращивания символического капитала, представляется возможным рассматривать и немецкие предложения по реформированию организации в середине 2000-х гг. Не приведя к практическим результатам, они, тем не менее, способствовали закреплению за ней статуса активного участника альянса, готового выходить с инициативными идеями по вопросам евроатлантического сотрудничества. В 2005 г. канцлер Герхард Шрёдер выступил с проектом преобразования НАТО, который предполагал усиление политических функций альянса и повышение роли европейских

¹⁴ Deutscher Bundestag (1994) Stenographischer Bericht. 240. Sitzung. Bonn. URL: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/12/12240.pdf> (accessed 30.04.2019)

¹⁵ German Soldiers in Afghanistan. URL: <http://www.dw.com/en/german-soldiers-in-afghanistan/a-403288> (accessed 30.04.2019)

государств¹⁶. Попытка сместить направленность альянса на решение политических вопросов соответствовала интересам Германии, т.к. как находилась в логике его развития как сообщества либерально-демократических ценностей, приверженность которым Берлин стремился подчеркнуть.

Основные документы стратегического планирования ФРГ 2010-х гг. (Директива по оборонной политике Германии в редакции 2011 г.¹⁷ и Белая книга бундесвера 2016 г.¹⁸) подтверждают, что Берлин, как и раньше, не рассматривает свою внешнюю политику вне системы западных альянсов. Вместе с тем в рамках союзнических обязательств он рассчитывает на признание в новом статусе ответственной державы, способной выполнять функцию главного партнёра США на мировой арене или, по крайней мере, в европейском масштабе.

После окончания холодной войны в 1990-х и 2000-х гг. Соединённые Штаты неоднократно демонстрировали стремление переложить большую ответственность за вопросы безопасности в Европе на своих региональных союзников. С приходом к власти Дональда Трампа в 2016 г. эта политика приобрела новый импульс¹⁹. На этом фоне новую актуальность получил вопрос о собственном потенциале европейских стран в сфере обороны. Его обсуждение порождает вызов для сложившейся модели поведения Германии, опирающейся на трансатлантические институты для поддержания выгодных ей статусных позиций в Европе.

В ответ на него Берлин выступил с инициативами, направленными на сохранение ведущей роли коллективных институтов и многостороннего сотрудничества западных стран. В частности, Ангела Меркель начала подчёркивать необходимость выработки независимой внешней политики ЕС, которая могла бы быть успешна без внешней поддержки, но также позволила бы ограничить национальный партикуляризм²⁰. Обновленный дискурс не подразумевает радикального пересмотра статуса ФРГ в НАТО или изменения характера отношений с США. Североатлантический альянс по-прежнему признается фундаментальной опорой безопасности Германии²¹.

¹⁶ Schröder G. Die Rede im Wortlaut. URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/dokumentation-die-rede-von-gerhard-schroeder-im-wortlaut/2473842.html> (accessed 30.04.2019)

¹⁷ Verteidigungspolitische Richtlinien. Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2011.

¹⁸ Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2016.

¹⁹ "Rückzug der USA hat schwerwiegende Folgen". Außenminister Sigmar Gabriel gegenüber dem Redaktionsnetzwerk Deutschland (07.11.2017). URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/171107-bm-rnd/605562> (accessed 30.04.2019)

²⁰ Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin bei der 17. Jahreskonferenz des Rates für Nachhaltige Entwicklung am 29. Mai 2017 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-17-jahreskonferenz-des-rates-fuer-nachhaltige-entwicklung-am-29-mai-2017-in-berlin-321118> (accessed 30.04.2019); Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin beim Jahrestreffen des World Economic Forum am 24. Januar 2018 in Davos. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-jahrestreffen-des-world-economic-forum-am-24-januar-2018-in-davos-455460> (accessed 30.04.2019)

²¹ Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD (2018) "Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land" 19. Legislaturperiode. URL: <http://dynamic.faz.net/download/2018/koalitionsvertrag.pdf> (accessed 30.04.2019)

Более того, в развитии новых институтов сотрудничества в рамках ЕС, таких как Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (PESCO), Берлин (в отличие от Парижа) выступает за максимальную инклюзивность даже в ущерб операциональности²². Подобная политика подчёркивает значение институционального связывания ФРГ многосторонними обязательствами как необходимого условия её лидерства в Европе. Такого рода ограничивающие механизмы на деле обеспечивают Германии достаточный капитал признания в качестве либерально-демократического и сдержанного государства для проведения более инициативной политики.

Специфика германского примера заключается в первую очередь в сохраняющемся дисбалансе материального потенциала и статуса, основанном на историческом опыте Второй мировой войны и структурных условиях²³. ФРГ не хочет нести потенциальные издержки, связанные с попыткой установления единоличной региональной гегемонии, особенно в сфере военно-политической безопасности. В этой связи она жёстко и последовательно вписывает претензии на статус в формирующемся мировом порядке в контекст многосторонних альянсов и, прежде всего, НАТО.

Принадлежность к этому объединению остаётся важнейшим институциональным маркером конвенциональности германской политики. На фоне рисков внешнеполитической изоляции в случае альтернативной стратегии, следование в фарватере США как лидера Североатлантического альянса представляется приемлемой ценой за повышение кооперативности непосредственных соседей ФРГ. При этом со временем аккумулированный символический капитал Германии как «добропорядочного» европейского бюргера постепенно расширяет возможность применения имеющегося у неё материального потенциала.

Франция: дилемма независимости и исключённости

Если пример Германии демонстрирует то, как государство способно использовать институциональные сдержки для расширения свободы манёвра в долгосрочной перспективе, опыт Франции иллюстрирует, как участие в военно-политическом альянсе, выступающее статусным маркером, приобретает гораздо более амбивалентный смысл. Для Парижа взаимодействие с НАТО тесно вписано в голлистский контекст поддержания великодержавной идентичности и восстановления соответствующего статуса [5; 11; 20; 22]. Как ни парадоксально, но именно в соответствии с ним можно рассматривать как выход Франции из военной структуры Североатлантического альянса в 1966 г., так и возврат в них в 2009.

²² Müller P., Reiermann C. The European Motor Sputters to Life. Spiegel. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/france-germany-partnership-to-bring-the-eu-forward-a-1157040.html> (accessed 30.04.2019)

²³ В соответствии с терминологией, предложенной Томасом Волджи и его коллегами, ФРГ можно обозначить как пример «недополучателя статуса» – страны, чей символический капитал значительно уступает материальному [63].

Официальная позиция Парижа по отношению к НАТО существенно менялась с течением времени. В 1948 г. именно французские представители выступили с инициативой создания военно-политической организации, объединяющей участников только что сформированного Западного союза (в составе Бельгии, Великобритании, Люксембурга, Нидерландов и Франции) и Соединённых Штатов. Несмотря на то, что планы Парижа использовать эту инициативу для закрепления собственного преобладающего статуса в Европе не получили воплощения, они придали импульс заключению Североатлантического договора [6]. Более того, привилегированное положение Франции среди европейских союзников США получило отражение в размещении в 1952 г. штаб-квартиры НАТО на её территории.

Несмотря на этот символический жест, доминирование Вашингтона в альянсе на протяжении 1950-х гг. вызывало растущее недовольство Парижа. Под давлением Соединённых Штатов он был вынужден согласиться на размещение американских сил на своей территории и существенное наращивание военных расходов. Кроме того, предметом споров Парижа и его англосаксонских союзников выступали объёмы и скорость ремилитаризации Германии [24]. С конца 1950-х гг. Франция под руководством президента Ш. де Голля предпринимала неоднократные попытки добиться пересмотра условий своего участия в альянсе, которые были отвергнуты США [6].

Параллельно происходил распад французской колониальной империи, которая ранее обосновывала статус Парижа как глобального, а не только европейского игрока. Парадоксальным образом завершение этого процесса создало предпосылки для большей независимости Франции от Соединённых Штатов. Американская поддержка была важна в контексте борьбы с движениями национального освобождения в колониях [64]. Как показал Суэцкий кризис – в крайнем случае Парижу необходимо было обеспечить невмешательство Вашингтона в «Третьем мире», избегая рисков активного противодействия. После того как борьба была проиграна, потребность Парижа в смягчении разногласий с заокеанским союзником снизилась. Приобретение Францией собственного потенциала ядерного сдерживания после 1960 г. создало дополнительные условия для расширения её стратегической автономии²⁴.

Таким образом, участие в Североатлантическом альянсе имело совершенно другие последствия для международно-политического статуса Франции, чем для Германии. Оно подкрепляло не её причастность к западному сообществу (последнее не вызывало сомнений), а подчинённое положение в нём. Снижение практической потребности в союзниках позволило Парижу попытаться восстановить свой символический капитал за счёт отказа от института, маркирующего его зависимость от США – с 1965 г. Франция инициировала выход из системы

²⁴ Вопрос о роли национальных ядерных потенциалов в рамках НАТО собственно и стал одним из последних камней преткновения в отношениях между Францией и США. Подробнее см. [12].

военного планирования НАТО, отказала союзникам в использовании собственной инфраструктуры²⁵ и потребовала вывода штабных структур альянса со своей территории.

Эти шаги Парижа стали воплощением основных ценностей голлистского видения его международной роли – независимости и самодостаточности [19; 37; 61]. Вместе с тем опыт его дальнейшего взаимодействия с другими представителями западного сообщества продемонстрировал, что выход из системы интегрированного командования НАТО не означал прекращение оборонного сотрудничества. Сразу после него Париж подписал ряд масштабных договорённостей о возможности участия в военных операциях совместно с европейскими союзниками в случае возникновения конфликтов. Таким образом, официальный дискурс дистанцирования от НАТО сопровождался секретными переговорами по налаживанию инструментов практического взаимодействия. В этом контексте показательны соглашения Лемнитцера – Айере и Валентина – Фербера (1966-1967, 1974) между Францией и НАТО, которые детализировали возможности и механизмы участия французского Второго военного корпуса в операциях Центральной группы армий НАТО, а также в совместных военных учениях [43]. К 1980-м гг. наметилась активизация оборонного сотрудничества в двустороннем формате Парижа и с Вашингтоном, а также было интенсифицировано непосредственное взаимодействие французских военных с институтами Североатлантического альянса [6].

В результате решение 1965 г. имело преимущественно символическое значение и выступало скорее выражением политической фронды, чем пересмотром приоритетов в обеспечении национальной безопасности. Частичный отказ от ассоциирования с НАТО, как и другие инициативные шаги Ш. де Голля и его преемников, имел лишь ограниченные следствия, с точки зрения поставленных задач. Франции удалось заработать признание наиболее самостоятельного представителя западного сообщества. Вместе с тем её материального потенциала объективно не хватало для конкуренции за привилегированное положение в международной системе не только с двумя сверхдержавами, но и с центрами силы, стремительно укреплявшими свои позиции в 1970-х – 1980-х гг. (Японии в мировой экономике, Китаем в международной политике)²⁶.

После распада биполярной системы Франция столкнулась с кардинальным изменением стратегического окружения. Оно было связано не только с исчезновением общей угрозы западному сообществу в лице Советского Союза и социалистического блока, но и с рядом неблагоприятных тенденций для французских статусных амбиций. В том числе с ослаблением угроз военной безопасности уменьшилось и значение самостоятельного потенциала ядерного сдерживания Франции, который долгое время оставался предметом особой гордости Парижа [44].

²⁵ Ограничения в этой области начали вводиться ещё с 1959 г.

²⁶ В этом отношении показательна оценка динамики изменения положения великих держав, представленная Полом Кеннеди [36].

При этом после исчезновения конкурента укрепился статус Соединённых Штатов как доминирующего игрока в международной системе. Сами французские эксперты и политики с сожалением признавали за США положение «гипердержавы» и тенденцию к однополярности мирового порядка. В результате перед Парижем в 1990-х гг. встала задача поиска новых источников символического капитала, если он планировал сохранять приверженность своим статусным амбициям. С учётом отсутствия адекватного балансира американской мощи и неспособности самой Франции выступить в такой роли, её решение в новых условиях могло состоять в примыкании к Соединённым Штатам, а не в дистанцировании от них.

Между тем противостояние в период распада Югославии продемонстрировало, что НАТО осталось единственной успешной организацией в сфере международной безопасности. В то время как ни ООН, ни СБСЕ не смогли предотвратить или остановить вооружённую борьбу в Боснии, бомбардировки, проведённые Североатлантическим альянсом, воспринимались как эффективный способ силового принуждения. Подобные представления получили дополнительное подкрепление в ходе операции против Югославии, совершённой западными союзниками даже в отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН. В этих условиях дистанцирование от НАТО ассоциировалось уже не с большей независимостью, а с исключённостью из института, в котором действительно решаются актуальные вопросы международной безопасности. Таким образом, оно становилось источником потерь, а не приобретений символического капитала.

На этом фоне политическое руководство Франции инициировало процесс дальнейшего восстановления своего участия в альянсе, который наметился ещё с 1980-х гг. [25]. В частности, в 1993-1995 гг. Париж сыграл активную роль в адаптации НАТО к новым задачам, и подталкивал альянс к вовлечению в боснийский конфликт. Он под объединённым командованием принял участие в воздушных операциях, а затем – в имплементации Дейтонских соглашений в составе ИФОР (миротворческого контингента под командованием Североатлантического альянса) [18; 21; 43]. Боснийский кризис стимулировал Францию изменить отношение к мандату альянса и к своей роли в нём, выдвинув на передний план идею о франко-американском сотрудничестве как «наиболее заметном факторе динамичного развития» альянса²⁷. Совместные операции франко-англо-голландских сил быстрого реагирования и воздушных сил НАТО летом 1995 г. позиционировались как символ обновлённой трансатлантической солидарности, которая стала возможной благодаря изменениям, принесённым французским президентом Жаком Шираком [18]. Он же интенсифицировал процесс «добровольного участия» Франции в заседаниях министров обороны участников альянса и его военного комитета [29].

²⁷ Juppe A. Quel horizon pour pour la politique etrangere de la France? Politique Etrangere. 1995. №1. Pp. 245-259.

Углубление взаимодействия Франции с НАТО сталкивалось с рядом ограничений. В первую очередь, столь существенный поворот в позиционировании страны вызывал острую критику традиционалистов внутри неё. В частности, сам термин «атлантизм» имеет устойчиво негативную коннотацию во французском политическом дискурсе и зачастую используется как инструмент стигматизации политики, расцениваемой как недостаточно суверенная. Этот сюжет важен до такой степени, что обсуждение возвращения Франции в военные структуры НАТО рассматривается в литературе через призму «кризиса национальной идентичности» [23; 32].

В этой связи параллельно с активизацией сотрудничества с Североатлантическим альянсом Париж выступал за развитие институтов сотрудничества по вопросам безопасности и обороны между европейскими странами, которое позволяло избежать упреков (в том числе внутри страны) в подчинении американской гегемонии. В начале 1990-х гг. он пытался придать новое дыхание Западноевропейскому союзу, а после франко-британского саммита в Сен Мало сделал ставку на формирование Европейской политики безопасности и обороны в рамках ЕС.

Такая политика отражала стремление Франции к сохранению статуса одновременно самостоятельной и влиятельной силы на международной арене. Как подчёркивал бывший министр иностранных дел Ю. Ведрин, лидерство Франции в Европе позволит «оказывать большее влияние на глобальное регулирование с тем, чтобы иметь большее воздействие на трансатлантические отношения и, в итоге, присоединиться к реформированной НАТО, а не вернуться» в старую²⁸.

Задержка в восстановлении участия Франции в военных структурах Североатлантического альянса была обусловлена не только внутривнутриполитическими причинами, но и двумя дополнительными обстоятельствами. В первую очередь, усиление американского унитаризма в 2000-х гг. привело к обострению политических противоречий между Парижем и Вашингтоном по принципиальным вопросам международной повестки дня. Из числа всех государств, выступивших против войны в Ираке, Франция занимала самую жёсткую позицию, что вылилось в длительное охлаждение отношений [60]. Кроме того, стремление Парижа использовать возвращение в военные структуры НАТО для аккумуляции дополнительного символического капитала побуждало его к торгу за статусные позиции в их руководстве. Этот вопрос стоял на повестке дня соответствующих дискуссий с 1980-х гг. и продолжал обсуждаться даже после замирения Парижа и Вашингтона во второй половине 2000-х²⁹.

В результате институциональная реинтеграция Франции в военные структуры Североатлантического альянса произошла лишь в 2009 г., несмотря на актив-

²⁸ Védrine H. Rapport pour le Président de la République sur la France et la mondialisation. 2007. URL: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/074000535.pdf> (accessed 30.04.2019)

²⁹ Cody E. After 43 Years, France to Rejoin NATO as Full Member. The Washington Post. 12th March 2009. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/11/AR2009031100547.html> (accessed 30.04.2019)

ную практическую вовлечённость в его деятельность в предшествующие годы. В том числе Париж выступал одним из главных поставщиков войск для операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане, во многом определявшей деятельность НАТО на протяжении 2000-х гг.³⁰ Несмотря на такую практическую включённость, свидетельством противоречивых последствий изменения формального статуса Франции в рамках альянса стало подчёркивание президентом страны сомнительного тезиса о том, что восстановление позиций в Североатлантическом альянсе будет способствовать укреплению её суверенитета³¹.

При этом даже после 2009 г. Париж не вошёл в группу ядерного планирования и оставил за собой ключевые принципы голлистской внешней политики: ядерную независимость, свободу принятия решений при отсутствии автоматического вовлечения страны в военные операции альянса³². Между тем в обмен на новоприобретённую лояльность блоку он получил пост Верховного главнокомандующего по трансформации объединённых вооружённых сил НАТО (формально равного в военной иерархии альянса Верховному главнокомандующему Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе, которым по традиции назначается американский представитель), а также ряд других командных позиций. Более того, в 2011 г. Франция смогла капитализировать свой обновлённый статус в Североатлантическом альянсе, опередившись на его инфраструктуру для проведения операции в Ливии против Муамара Каддафи [33] (интересно, что Париж не смог использовать площадку Европейского союза для обеспечения поддержки своей политики [51]).

Стратегия Франции в отношении НАТО демонстрирует дилемму приобщения к статусным маркерам. На протяжении десятилетий устойчивой стратегической целью французской внешней политики остаётся обеспечение признания в качестве влиятельной и самодостаточной державы на международной арене. Между тем участие в Североатлантическом альянсе отягощено ассоциацией с американоцентричным порядком, поэтому Париж вынужденно мечется между статусами «исключительного» и «необходимого» союзника. Дистанцирование от блока, который к 1990-м гг. превратился в центральный институт западного сообщества и обладает полезными компетенциями в проведении экспедиционных операций, стало порождать для Парижа риски маргинализации по отношению к ключевым партнёрам.

Изменение структурных условий в период после окончания холодной войны, связанное с временным утверждением преобладания в международной системе западного сообщества, привело к возрастанию символической ценности

³⁰ Подробнее об участии Франции в операции в Афганистане см. [45; 56; 62].

³¹ Sarkozy N. Discours de cloture lors d'un colloque "La France, la Securite Europeenne et l'OTAN au XXIeme siecle". Fondation de la Recherche Strategique. 11 Mars 2009. URL: <https://www.frstrategie.org/publications/etudes-debats/web-documents/2010/201001.pdf> (accessed 30.04.2019)

³² Le livre Blanc. Defence et securite nationale. Paris, Odile Jacob. 2008. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/livre_blanc_1337/livre_blanc_1340/index.html (accessed 30.04.2019)

приобщения к такому институциональному маркеру как НАТО, что повлияло не только на поведение стран Центральной и Восточной Европы, которые активно добивались членства в организации, но и на политику Франции, которая повысила свой статус внутри неё. Проведённый анализ также указывает на то, что выбор Парижа относительно степени участия или дистанцирования от блока на протяжении рассматриваемого периода определялся не только статусными соображениями, но и соотношением практических выгод и издержками.

Турция: от политики приобщения к нормативному противопоставлению

Пример Турции отличается от таких случаев, как Германии, так и Франции. Символическая значимость НАТО для этой страны традиционно определялась возможностью приобщиться к западному сообществу. В этом отношении её стратегия отчасти может быть сопоставлена с политикой ФРГ, хотя она и строилась исходя из других структурных и исторических предпосылок. Как и Париж, после завершения холодной войны Анкара столкнулась с изменением символической ценности участия в альянсе. Только в её случае его значение как статусного маркера не возросло, а снизилось. Подобное положение стало результатом разнонаправленных тенденций в развитии НАТО и самой Турции.

На заре холодной войны ценность геостратегического положения Турции возросла на фоне нарастающего противостояния между Западом и советским блоком. Её вступление в НАТО в 1952 г. было обусловлено стремлением США использовать Анкару в качестве барьера на пути попыток проникновения Советского Союза на Ближний Восток [31]. Кроме того, Турция наряду с Норвегией выступала единственной страной Североатлантического альянса, имеющей непосредственную границу с Советским Союзом. На первых стадиях биполярной конфронтации это позволяло использовать её в качестве площадки размещения американских сил ядерного сдерживания. В частности, страна подписала с Соединёнными Штатами соглашения о совместном использовании авиабазы тяжёлых бомбардировщиков «Инджирлик» и размещении на её территории баллистических ракет средней дальности PGM-19 «Юпитер» [48].

Для Турции членство в НАТО выступало, в первую очередь, подтверждением американских гарантий безопасности. Их актуальность определялась опасениями относительно советских устремлений, обострившихся с 1946 г. под влиянием дипломатического давления Москвы по вопросу совместного управления средиземноморскими проливами (Босфор и Дарданеллы). Ещё в рамках доктрины Трумана в конце 1940-х гг. Вашингтон обещал Анкаре поддержку в противодействии советским претензиям [8; 9, с. 11]. Присоединение к НАТО способствовало дальнейшей институционализации этих обязательств. Кроме того, Турция вступала в Североатлантический альянс параллельно с Грецией. Неучастие в блоке поставило бы Анкару в худшее положение по сравнению с традиционным противником в лице Афин [38].

Наряду с перечисленными практическими позициями присоединение к НАТО представляло также весомую символическую ценность для Турции. В рамках утвердившейся в стране ещё в первой половине XX в. идеологии кемализма осуществлялась активная социальная и культурная вестернизация [13]. Политическими проявлениями прозападной ориентации Анкары после Второй мировой войны стало вступление в Совет Европы в 1949 г. и ассоциация с Европейскими сообществами в 1959 г. В рамках проводимого курса присоединение к Североатлантическому альянсу обеспечивало стране признание в качестве части «свободного мира». Она приобретала его, даже несмотря на сохранение явно антилиберальных и недемократических практик, таких как контроль военных над политической системой страны и ограничение прав курдского населения [17].

Окончание холодной войны негативно сказалось на стратегической ценности Турции в глазах её западных партнёров, т.к. она перестала быть фланговым форпостом сдерживания советской угрозы. Кроме того, её политические практики вступали во всё больший диссонанс с позиционированием НАТО как общества либеральных обществ. Хотя на протяжении 1990-х – 2000-х гг. Турция не сталкивалась с существенной дискриминацией в самом Североатлантическом альянсе, отношение к ней со стороны европейских союзников становилось более критическим.

Анкара всё яростней сталкивалась с пределами признания в качестве члена западного сообщества. Наиболее показательным в этом отношении стало затягивание переговоров по вопросу её вступления в Европейский союз, которое для самой Турции оставалось приоритетной целью. Несмотря на то, что она подала заявку членство в интеграционном объединении в 1987 г. – прежде многих стран, которые впоследствии присоединились к группировке, – перспективы её кандидатуры и спустя тридцать лет остаются призрачными [31].

На этом фоне внутри Турции наметились серьёзные социальные и политические преобразования. В турецком обществе усилились позиции консервативных и религиозных кругов. Их выразителем на политической арене стала Партия справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом. После победы на парламентских выборах 2002 г. она начала наступление на позиции военных и к 2010-м гг. добилась их вытеснения из политической жизни. Она также пошла на деконструкцию многих аспектов кемалистской идеологии (прежде всего, подчеркнутой светскости) и внедрение элементов исламистской доктрины [1].

Долговременное доминирование Партии справедливости и развития в турецкой политике привело к закреплению режима личной власти Р. Эрдогана и даже изменениям в конституции, призванным обеспечить сохранение его политической власти³³. В результате тенденции внутривнутриполитического развития

³³ Эрдоган ратифицировал законопроект о внесении поправок в конституцию. ТАСС, 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4012691> (дата обращения: 30.04.2019)

Турции стали вызывать ещё большую озабоченность её западных партнёров, которые стали обвинять правящую элиту в авторитаризме³⁴.

Параллельно поддержание высоких темпов экономического роста с 2000-х гг., способствовало возрастанию внешнеполитических амбиций страны³⁵. Они нашли воплощение в доктрине неоттоманизма, которая предполагает диверсификацию турецкого курса на международной арене, отход от приоритетной ориентации на Запад и активизацию деятельности в регионах, исторически находившихся под контролем Турции (Ближний и Средний Восток, Балканы, Кавказ). Анкара всё чаще стремится выступать как независимая влиятельная держава, формулирующая собственный курс на международной арене со всё меньшей оглядкой на традиционных партнёров³⁶.

С учётом тенденций внутривнутриполитического и внешнеполитического развития страны, значение НАТО как статусного маркера принадлежности к западному сообществу стало стремительно девальвироваться в глазах турецкого руководства. Так же, как и Франция в 1950-х – 1960-х гг., Турция в 2010-х всё больше сталкивается со статусными издержками от ассоциации с альянсом, ведомым Соединёнными Штатами. Дефицит символических выгод в случае Анкары дополняется сомнениями в вероятности получения практической помощи от союзников в случае необходимости. Тревожным сигналом для неё стала пассивность Североатлантического альянса в ходе российско-турецкого кризиса в ноябре 2015 г. [7].

Апогеем несоответствия Турции ценностным ожиданиям государства-члена НАТО стал неудавшийся государственный переворот в июле 2016 г., а также его последствия для значительной части политической, военной и интеллектуальной элиты страны. Реджеп Эрдоган инкриминировал США и другим собственным союзникам поддержку заговорщиков, пытавшихся его свергнуть³⁷. В свою очередь, в странах Запада широкое распространение получили обвинения турецкого лидера в использовании попытки переворота для проведения массовых чисток в важнейших социальных институтах и укрепления собственной власти³⁸.

Ещё ранее стремление Анкары к большей независимости в обеспечении собственной безопасности нашло отражение в развитии её оборонной промышленности. В Турции начали разработку собственных образцов вооружений – танк «Алтай», вертолет «Атак», крылатая ракета «Джирит» (CIRIT), а также сверхмалая подводная лодка, собственные корветы и прочие виды военной

³⁴ Эрдоган: ЕС не вправе учить Турцию демократии. ТАСС, 2014. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1654265> (дата обращения 30.04.2019)

³⁵ Макроэкономические исследования. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/profile/tr.html> (дата обращения 30.04.2019)

³⁶ О Турции как «восходящей» державе см. [39].

³⁷ Эрдоган обвинил Запад в поддержке военного переворота в Турции. РБК, 2016 URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a09d8e9a7947413241b639> (дата обращения 30.04.2019)

³⁸ Весь Евросоюз понял психическую нестабильность Эрдогана – главред журнала Politics First. Звезда, 2016 URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201602231541-3w5t.htm (дата обращения 30.04.2019)

техники. Анкара направила значительное финансирование на проведение разработок за счёт привлечения иностранных специалистов и становления собственной школы военных конструкторов. Расходы на оборону в 2001-2014 гг. увеличились с 8,84 млрд долл. США до 25 млрд³⁹. Параллельно она стала рассматривать возможность углубления военно-технического сотрудничества с Россией, которая официально фигурирует в документах Североатлантического альянса в качестве стратегического противника⁴⁰.

В результате с середины 2010-х гг. Турция сознательно идёт по пути дистанцирования от НАТО в попытках нарастить статусный капитал за пределами альянса. Вызреванию такой политики способствует и нежелание альянса выступить на стороне Анкары в сирийском конфликте, в том числе отказ по вопросу создания беспилотной зоны на турецко-сирийской границе, и сворачивание военного сотрудничества между членами организации и Турцией. В том числе решение ФРГ о передислокации своих военных и техники в Иорданию и окончательном уходе с военной базы «Инджирлик»⁴¹.

В отношении Турции вопрос о том, до какой степени возможно снижение вовлечённости в союзные обязательства в рамках НАТО остаётся открытым. Даже с учётом уменьшения символической ценности участия в западном альянсе его военно-политический потенциал сохраняет значимость для Анкары с точки зрения обеспечения безопасности в условиях дестабилизации её непосредственного окружения и высокой неопределённости в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом.

Тем не менее, этот институт перестал быть тем статусным маркером, каким он являлся в период господства в Турции кемалистской идеологии национальной модернизации через вестернизацию. С точки зрения нынешнего руководства страны, её закрепление в рамках западного сообщества возможно лишь на второстепенных, маргинальных позициях, не соответствующих возросшему материальному потенциалу Анкары и её внешнеполитическим амбициям. Между тем позиционирование НАТО как «сообщества либеральных демократий» противоречит тенденциям консолидации политической власти внутри Турции. Тем самым, её участие в альянсе увеличивает издержки для символического капитала объединения с точки зрения других его участников.

Изучение динамики статусных позиций государств не может исчерпываться их отнесением к кругу великих или региональных держав, средних или малых стран. В современной международной системе субъекты конкурируют за крайне дифференцированный символический капитал, воплощающий различные

³⁹ Turkey Military Stats. 2014. <http://www.nationmaster.com/country-info/profiles/Turkey/Military#2014> (accessed 30.04.2019)

⁴⁰ Путин: реализация контракта на поставку в Турцию ЗРС С-400 является приоритетом. ТАСС, 2018. URL: <http://tass.ru/politika/5091897> (дата обращения 30.04.2019)

⁴¹ Германия уходит с турецкой базы Инджирлик в Иорданию. Вести, 2017 URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2896711> (дата обращения 30.04.2019)

типы признания. Соответственно, статусные маркеры оказываются сложными социальными конструктами, нагруженными множеством смысловых функций.

Анализ опыта участия Германии, Турции и Франции в НАТО показывает, что во многих случаях государства неспособны контролировать то, какие статусные последствия будет иметь их включение в те или иные институты. Несмотря на то, что они могут быть заинтересованы только в части смыслов, ассоциируемых с некоторым маркером, они вынуждены учитывать наличие у него других политических коннотаций. В результате их политика определяется не стремлением максимально расширить институциональное присутствие, а попытками сбалансировать символические и практические выгоды и издержки от приобретения новых и сохранения прежних статусов.

Её проведение осложняется в том случае, если государства имеют дело со столь нагруженным смысловыми конструктами институтом как Североатлантический альянс. Для различных субъектов участие в нём может иметь принципиально разные значения (признание американской гегемонии, принадлежность к западному сообществу или развитому миру, «нормальность» страны или её причастность к решению ключевых проблем европейской/глобальной безопасности). Наибольшие сложности возникают, когда несколько смыслов оказывается в равной степени актуальны для одного и того же государства при том, что часть из них оценивает позитивно, а другие – негативно. Кроме того, субъекты могут сталкиваться с противоречием между статусными и практическими последствиями членства в объединении.

Государства также вынуждены учитывать, что символический капитал институтов, таких как Североатлантический альянс, со временем может трансформироваться, открывая новые возможности и порождая дополнительные риски. Вместе с тем проведённый анализ (особенно пример Германии) демонстрирует, что обретение статусных маркеров способно существенным образом расширить горизонт стратегических возможностей для страны, даже в тех случаях, когда его непосредственным следствием оказывается усиление институциональных ограничений внешней политики страны.

Список литературы:

1. Аватков В.А., Кочкин М.В. Парламентские выборы в Турции // Свободная мысль. 2015. №4 (1652). С. 8–17.
2. Бирюков С.В. Германия и Франция: к соглашению во имя Европы? // Мировая экономика и международные отношения, 2014. №12, С. 82-90.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
4. Кокеев А.М. Новые акценты в евроатлантической политике Германии. М.: ИМЭМО РАН. 2011. 25 с.
5. Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций: 1958-1972. М.: Наука, 1976. 303 с.
6. Малашенко О. А. Военно-политические отношения Франции и НАТО: история и современность. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. №. 4. С. 42-56.
7. Мешков А. Отношений РФ и Турции как раньше – уже не будет // Российский совет по международным делам, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://russiancouncil.ru/>

- analytics-and-comments/comments/otnosheniyrf-i-turtsii-kak-ranshe-uzhe-ne-budet (accessed 30.04.2019)
8. Мошкин С.В. Дипломатическая война за Черноморские проливы в 1944-1946 годах. // Дискурс-Пи. 2016. Т. 13. №. 1. С. 112-113.
 9. Наринский М.М. Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941-1946 годах // Вестник МГИМО-Университета. 2008. №. 3. С. 3-13.
 10. Новик Ф.И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.) // Труды Института российской истории РАН. 2009. №. 8. С. 231-251.
 11. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози. М.: Аспект пресс, 2012. 381 с.
 12. Пилько А.В. Борьба за принятие доктрины «гибкого реагирования» в НАТО (1961-1969) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2013. № 5. С. 72-91.
 13. Сотниченко А. Особенности модернизации в Турции // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики / под ред. В. Гельмана и О. Марганя. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 184-224.
 14. Трунов Ф.О. Участие ФРГ в международном кризисном регулировании (1991-2012) // Мировая экономика и международные отношения, 2014. №9. С. 34-44.
 15. Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М.: АСТ, 2002. 472 с.
 16. Уолфорд У. «Российско-западным отношениям недостает реалистского мировосприятия, причем с обеих сторон...» // Международные процессы. 2015. Т. 13. №4 (43). С. 153-165.
 17. Шлыков П.В. Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х гг.: смена парадигмы? // Ислам на Ближнем и Среднем востоке, ИДВ РАН. 2012. №7. С. 403-418.
 18. Andréani G. La France et l'OTAN après la guerre froide // *Politique étrangère*. 1998. №1. pp. 77-92
 19. Bozo F. Deux stratégies pour l'Europe. De Gaulle, les Etats-Unis et l'Alliance atlantique (1958-1969). Paris: Plon, 1996. 287 p.
 20. Bozo F. La France et l'Alliance depuis la fin de la guerre froide. Le modèle gaullien en question // *Cahiers du Centre d'Etudes d'Histoire de la Défense*. 2001. № 17, URL:
 21. Bozo F. La France et l'Alliance: Les limites de rapprochement. // *Politique Etrangere*. 1995. № 4. P. 865-877.
 22. Bozo F. La France et l'OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen. Paris: Masson, 1991. 287 p.
 23. Cameron A., Maulny J-P. France's NATO Reintegration: Fresh Views with the Sarkozy Presidency? RUSI Occasional Paper, February 2009. [Электронный ресурс] URL: https://rusi.org/sites/default/files/200902_op_frances_nato_reintegration.pdf (accessed 30.04.2019)
 24. Creswell M., Trachtenberg M. (2003) France and the German question, 1945-1955 // *Journal of Cold War Studies*. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 5-28.
 25. David D. France/OTAN: la dernière marche // *Politique étrangère*. 2008. №2, p. 429-441.
 26. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War // *Political Science Quarterly*. 1994. Т. 109. №. 5. P. 763-787.
 27. Fish I.S. Is China Still a 'Developing' Country? Foreign Policy. 25.09.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country> (accessed 30.04.2019)
 28. Frank R. Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status. New York: Oxford University Press, 1985. 306 p.
 29. Ghez J., Larrabee S. France and NATO // *Survival*. 2009. No. 2. P. 77-90
 30. Gilpin R. War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
 31. Gülnur A. The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship // *Perceptions*. 2012. Vol. XVII. No. 1. P. 19-36.
 32. Hofmann S. Party preferences and institutional transformation: revisiting France's relationship with NATO (and the common wisdom on Gaullism) // *Journal of Strategic Studies*. 2017. Vol. 40. No. 4. P. 505-531.
 33. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Security Arrangements // *Journal of Transatlantic Studies*. 2014. Vol. 12, No. 4. P. 405-417.
 34. Howorth J. The CESDP and the forging of a European security culture // *Politique européenne*. 2002. No. 8(4), P. 88-109.
 35. Johnston A.I. Treating international institutions as social environments // *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 487-515.
 36. Kennedy P. The rise and fall of the great powers. N.Y.: Random House, 1987. 677 p.
 37. Klein J. France, NATO, and European Security // *International Security*. 1977 Vol. 1, No. 3, pp. 21-41
 38. Krebs R.R. Perverse institutionalism: NATO and the Greco-Turkish conflict // *International Organization*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 343-377.
 39. Kubicek P., Dal E.P., Oğuzlu H.T. (eds). Turkey's Rise as an Emerging Power. Oxon: Routledge, 2016. 216 p.

40. Larson D.W., Shevchenko A. *Managing Rising Powers: the Role of Status Concerns* // *Status in World Politics* / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33-57
41. Leeds B. et al. *Alliance treaty obligations and provisions, 1815-1944* // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237-260
42. Mearsheimer J. *Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War*. // *International Security*. 1990. Vol. 15, No. 1. P. 5-56.
43. Menon A. *France, NATO and the Limits of Independence 1981-1997: the Politics of Ambivalence*. London: McMillan, 2000. 256 p.
44. Menon A. *From Independence to Cooperation: France, NATO and European Security* // *International Affairs*. 1995. Vol. 71, No. 1, pp. 19-34.
45. Morelli V., Belkin P. *NATO in Afghanistan: a Test for Transatlantic Alliance*. CRS Report for Congress. April 19, 2009. [Электронный ресурс] URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33627.pdf> (accessed 30.04.2019)
46. Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
47. Neumann I.B. *Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status* // *Status in World Politics* / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 85-113.
48. Oğuz Ş. *The future of Europe's defence: NATO or an EU army?* // *Turkish Policy Quarterly*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 59-68.
49. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. *Status and World Order* // *Status in World Politics* / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3-31.
50. Renshon J.B. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.
51. Reykers Y.F. (2016) *No Supply without Demand: Explaining the absence of the EU Battlegroups in Libya, Mali and the Central African Republic* // *European Security*. 2016. Vol.25, No. 3, P. 346-365.
52. Risse-Kappen T. *Cooperation among democracies: The European influence on US foreign policy*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 250 p.
53. Sanchez-Gijon A. *On Spain, NATO and Democracy* // *Politics and Security in the Southern Region of the Atlantic Alliance*. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 96-116.
54. Sarotte M.E. *1989: the struggle to create post-Cold War Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 321 p.
55. Schmitt O. *The Reluctant Atlanticist: France's Security and Defence Policy in a Transatlantic Context* // *Journal of Strategic Studies*, 2017. Vol. 40, No. 4, P. 463-474.
56. Schmitt, O. *French Military Adaptation in the Afghan War: Looking Inward or Outward?* // *Journal of Strategic Studies*, 2017. Vol. 40, No. 4, P. 577-599.
57. Schreer B. *A New "Pragmatism": Germany's NATO Policy* // *International Journal*. 2009. Vol. 64, No. 2. P. 383-398.
58. Sjørnsen H. *On the Identity of NATO* // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 4. P. 687-703.
59. Snyder G.H. *Alliance politics*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 414 p.
60. Terriff, T. *Fear and loathing in NATO: The Atlantic Alliance after the Crisis over Iraq* // *Perspectives on European Politics and Society*. 2004. Vol.5, No. 3, P. 419-446.
61. Vaisse M., Bozo F. (eds.). *La France et l'OTAN, 1949-1996*. Bruxelles: Bruylant, 1996. 646 p.
62. Valasek T. *France, NATO and European Defence*. Policy Brief. – Centre for European Reform. – May 12 2008. [Электронный ресурс] URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/policybrief_nato_12may2008-790.pdf (accessed 30.04.2019)
63. Volgy T. Corbetta R., Grant K., Baird R. *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. N.Y.: Springer, 2011. 242 p.
64. Wall I.M. *France, the United States, and the Algerian War*. Berkeley: University of California Press, 2001. 335 p.
65. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 277 p.
66. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. *Correspondence: NATO and Democracy* // *International Security*. 2002. Vol. 26. No. 3. P. 221-235.
67. Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Об авторах:

Игорь Александрович Истомин – к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iaistomin@gmail.com.

Ирина Вячеславовна Болгова – к.ист.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: irinabolgova@gmail.com.

Артём Павлович Соколов – к.ист.н., старший преподаватель кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1.

E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru.

Владимир Алексеевич Аватков – к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, 119021, Москва, Остоженка 53/2 строение 1. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20170).

A «BADGE OF HONOUR» OR A «STAMP OF INFAMY»? NATO AS A MARKER OF STATUS IN INTERNATIONAL POLITICS

I.A. Istomin, I.V. Bolgova, A.P. Sokolov, V.A. Avatkov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Moscow State Linguistic University
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: The symbolic significance of membership in NATO is widely recognized by Russian and foreign experts. However, attempts to systematically assess its role as a marker of the political status has not been made. This article intends to fill this gap, considering not only positive, but also negative consequences of symbolic capital associated with the NATO membership. In order to determine the possible contradictions, benefits and costs for states from participating in the alliance, the authors examined the record of its three participants – France, Germany and Turkey. The comparison of these three cases enables to trace various status consequences of participation in a bloc for players whose material capacities and overall symbolic capital in the international system undergo different transitions. The theoretical literature and empirical record of the selected NATO members confirm that states compete in the international system for highly differentiated symbolic capital embodying various kinds of recognition. Status markers are complex social constructs, combining various political meanings. Meanwhile, states are not always able to control which types of social recognition will be activated by their inclusion in particular institutions. Despite the fact, that they may be interested only in some of the meanings associated with a status marker, they are compelled to take into account its other political connotations. As a result, NATO membership could bear for states a range of various social consequences. This could lead to a situation when several of them are equally relevant for the same actor, but some contain positive value, while others are assessed negatively. In addition, actors could face a contradiction between the status and practical consequences of participation in the alliance.

Key words: NATO; military-political alliance; symbolic capital; status; international institutions; status markers; France; Germany; Turkey.

References

1. Avatkov V.A., Kochkin M.V. Parla-mentskie vybory v Turtsii [Parliamentary Elections in Turkey]. *Svobodnaya mysl'*. 2015, no. 4 (1652). pp. 8–17. (In Russian)
2. Biryukov S.. Germaniya i Franciya: k so-glasiyu vo imya Evropy? [Germany and France: for agreement in the name of Europe?]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014, no. 12. pp. 82-90. (In Russian)
3. Bourdier P. *Prakticheskij smysl* [Practical Sense]. Saint Petersburg: Aletya, 2001. 562 p.
4. Kokeev A. *Novye akcenty v evroatlan-ticheskoj politike Germanii*. [New accents in the Euro-Atlantic policy of Germany]. Moscow: IMEMO RAN, 2011. 25 p. (In Russian)
5. Koloskov I.A. *Vneshnjaya politika Pyatoy respubliki. Evoljutsija osnovnyh naprav-lenij i tendencij: 1958-1972*. [Foreign poli-cy of the Fifth Republic. The Evolutoin of Key Trends and Directions: 1958-1972]. Moscow: Nauka, 1976. 303 p. (In Rus-sian)
6. Malashenko O. A. Voenno-politicheskie otnosheniya Frantsii i NATO: istoriya i sovremennost'. [Political and military relations between France and NATO: history and current period] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2011, Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika, no. 4. pp. 42-56 (In Russian)
7. Meshkov A. *Otnoshenij RF i Turtsii kak ran'she – uzhe ne budet* [Relations between Russian Federation and Turkey as They Previously Were – Will Never Be]. RIAC, 2015. (In Russian) URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/otnosheniy-rf-i-turtsii-kak-ranshe-uzhe-ne-budet> (accessed 30.04.2019)
8. Moshkin S.V. Diplomaticheskaya vojna za Tchernomorskie prolivy v 1944-1946 godakh [Diplomatic War for Black Sea Straights in 1944-1946]. *Diskurs-Pi*. 2016, Vol. 13. no. 1. pp. 112-113. (In Russian)
9. Narinskij M.M. Sovetskoe rukovodstvo: problema granits i sfery vliyaniya SSSR v 1941-1946 godakh [Soviet Leadership: the Problem of Borders and Spheres of Influence of the USSR]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2008, no. 3. pp. 3-13. (In Russian)
10. Novik F.I. Ustanovlenie diplo-maticheskikh otnoshenij mezhdru SSSR i FRG (sentyabr' 1955 g.) [Establishing of Diplomatic Relations between the USSR and FRG (September 1955)]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. 2009, no. 8. pp. 231-251. (In Russian)
11. Obichkina E.O. *Vneshnjaja politika Fran-cii ot de Gollja do Sarkozi*. [Foreign policy of France from de Gaulle to Sarkozy]. Moscow: Aspekt Press, 2012. 381 p. (In Russian)
12. Pil'ko A.V.. Bor'ba za prinyatie doktrin-y "gibkogo reagirovaniya" v NATO (1961-1969). [Discussions about the recogni-tion of the doctrine of flexible response inside NATO (1961-1969)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2013, Ser. 8 "Isto-riya", no. 5. pp. 72-91. (In Russian)
13. Sotnichenko A. Osobennosti modeniza-tsii v Turtsii [Specifics of Modernization in Turkey]. *Puti modernizatsii: traektorii, razvilki i tupiki* [Ways of modernization: trajectories, crossroads and deadlocks]. Saint Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt Peterburge, 2014. pp. 184-224. (In Russian)
14. Trunov F. Uchastie FRG v mezhdun-arodnom krizisnom regulirovanii (1991-2012) [Germany's participation in international crisis management (1991-2012)]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014, no. 9. pp. 34-44. (In Russian)
15. Williams C. 2002. *Adenauehr. Otec novoj Germanii*. [Adenauer. The Father of the new Germany]. Moscow: AST. 472 p. (In Russian)
16. Wohlforth W.C. "Rossijsko-zapadnym otnosheniyam nedostaet realistskogo mirovospriyatiya, prichem s obeikh storon..." [Russian-Western Relations Lack

- Realist Worldview from Both Sides]. *Mezhdunarodnye Protssesy*. 2015, Vol. 13, no. 4 (43), pp. 153-165. (In Russian)
17. Shlykov P.V. Voennaya elita i politicheskaya vlast' v Turtsii 2000-kh gg.: smena paradigm? [Military Elite and Political Power in Turkey in the 2000s: the Change of Paradigm?]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*. IDV RAN. 2012, no. 7, pp. 403-418. (In Russian)
 18. Andréani G. La France et l'OTAN après la guerre froide. *Politique étrangère*. 1998, no. 1, p. 77-92 (In French)
 19. Bozo F. *Deux stratégies pour l'Europe. De Gaulle, les Etats-Unis et l'Alliance atlantique (1958-1969)*. Paris: Plon, 1996. 287 p. (In French)
 20. Bozo F. La France et l'Alliance depuis la fin de la guerre froide. Le modèle gaullien en question. *Cahiers du Centre d'Etudes d'Histoire de la Défense*. 2001, no. 17.
 21. Bozo F. La France et l'Alliance: Les limites de rapprochement. *Politique Etrangère*. 1995. № 4. – pp. 865-877. (In French)
 22. Bozo F. *La France et l'OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen*. Paris: Masson, 1991. 287 p. (In French)
 23. Cameron A., Maulny J-P. France's NATO Reintegration: Fresh Views with the Sarkozy Presidency? *RUSI Occasional Paper*. February 2009. URL: https://rusi.org/sites/default/files/200902_op_frances_nato_reintegration.pdf (accessed 30.04.2019)
 24. Creswell M., Trachtenberg M. France and the German question, 1945-1955. *Journal of Cold War Studies*. 2003, Vol. 5, no. 3, pp. 5-28
 25. David D. France/OTAN: la dernière marche. *Politique étrangère*. 2008, no. 2 (Été), pp. 429-441.
 26. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War. *Political Science Quarterly*. 1994. T. 109. №. 5. P. 763-787.
 27. Fish I.S. Is China Still a 'Developing' Country? *Foreign Policy*. 25.09.2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country> (accessed 30.04.2019)
 28. Frank R. *Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status*. N.Y.: Oxford University Press, 1985. 306 p.
 29. Ghez J., Larrabee S. France and NATO. *Survival*. 2009, Vol. 51, no. 2, pp. 77-90
 30. Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
 31. Gülnur A. The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship. *Perceptions*. 2012, Vol. XVII, No. 1. P. 19-36.
 32. Hofmann S. Party preferences and institutional transformation: revisiting France's relationship with NATO (and the common wisdom on Gaullism). *Journal of Strategic Studies*. 2017, Vol. 40, no. 4, pp. 505-531.
 33. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Security Arrangements. *Journal of Transatlantic Studies*. 2014, Vol. 12, no. 4, pp. 405-417.
 34. Howorth, J. The CESDP and the forging of a European security culture. *Politique européenne*. 2002, no. 8 (4), pp. 88-109.
 35. Johnston A.I. Treating international institutions as social environments. *International Studies Quarterly*. 2001, Vol. 45, no. 4, pp. 487-515.
 36. Kennedy P. *The rise and fall of the great powers*. N.Y.: Random House, 1987. 677 p.
 37. Klein J.. France, NATO, and European Security. *International Security*. 1997, Vol. 1, no. 3, pp. 21-41.
 38. Krebs R.R. Perverse institutionalism: NATO and the Greco-Turkish conflict. *International Organization*. 1999, Vol. 53, no. 2, pp. 343-377.
 39. Kubicek P., Dal E.P., Oğuzlu H.T. (eds). *Turkey's Rise as an Emerging Power*. Oxon: Routledge, 2016. 216 p.
 40. Larson D.W., Shevchenko A. Managing Rising Powers: the Role of Status Concerns. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 33-57
 41. Leeds B. et al. Alliance treaty obligations and provisions, 1815-1944. *International Interactions*. 2002, Vol. 28, no. 3, pp. 237-260
 42. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*. 1990, Vol. 15, no. 1, pp. 5-56

43. Menon A. From Independence to Co-operation: France, NATO and European Security. *International Affairs*. 1995, Vol. 71, no. 1, pp. 19-34
44. Menon A. France, NATO and the Limits of Independence 1981-1997: the Politics of Ambivalence. London: McMillan, 2000. 256 p.
45. Morelli V., Belkin P. *NATO in Afghanistan: a Test for Transatlantic Alliance*. CRS Report for Congress. April 19, 2009. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33627.pdf> (accessed 30.04.2019)
46. Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
47. Neumann I.B. Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. pp. 85-113.
48. Oğuz Ş. The future of Europe's defence: NATO or an EU army? *Turkish Policy Quarterly*. 2017, Vol. 16, no. 1, pp. 59-68.
49. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and World Order. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. pp. 3-31.
50. Renshon J.B. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.
51. Reykers Y.F. No Supply without Demand: Explaining the absence of the EU Battlegroups in Libya, Mali and the Central African Republic. *European Security*. 2016, Vol. 25. no. 3, pp. 346-365.
52. Risse-Kappen T. *Cooperation among democracies: The European influence on US foreign policy*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 250 p.
53. Sanchez-Gijon A. On Spain, NATO and Democracy. In *Politics and Security in the Southern Region of the Atlantic Alliance*. London: Palgrave Macmillan, 1988. pp. 96-116.
54. Sarotte M.E. *1989: the struggle to create post-Cold War Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 321 p.
55. Schmitt O. The Reluctant Atlanticist: France's Security and Defence Policy in a Transatlantic Context. *Journal of Strategic Studies*. 2017, Vol. 40, №4, pp. 463-474
56. Schmitt, O. French Military Adaptation in the Afghan War: Looking Inward or Outward? *Journal of Strategic Studies*. 2017, Vol. 40, no.4, pp. 577-599
57. Schreer B. A New "Pragmatism": Germany's NATO Policy. *International Journal*. 2009, Vol. 64, No. 2. P. 383-398
58. Sjursen H. On the Identity of NATO. *International Affairs*. 2004, Vol. 80, no. 4, pp. 687-703
59. Snyder G.H. *Alliance politics*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 414 p.
60. Terriff, T. Fear and loathing in NATO: The Atlantic Alliance after the Crisis over Iraq. *Perspectives on European Politics and Society*. 2004, Vol.5, no. 3, pp. 419-446.
61. Vaisse M., Bozo F.(eds.) (1996). *La France et l'OTAN, 1949– 1996*, Bruxelles: Bruylant. 646 p.
62. Valasek T. *France, NATO and EUropean Defence*. Policy Brief. Centre for European Reform. May 12, 2008. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/policybrief_nato_12may2008-790.pdf (accessed 30.04.2019)
63. Volgy T. Corbetta R., Grant K., Baird R. (2011). *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. N.Y.: Springer, 242 p.
64. Wall I.M. *France, the United States, and the Algerian War*. Berkeley: University of California Press, 2001. 335 p.
65. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 277 p.
66. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. Correspondence: NATO and Democracy. *International Security*. 2002, Vol. 26, no. 3, pp. 221-235.
67. Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

About the authors:

Igor A. Istomin – Cand. of Sciences (Political Science), Associate Professor at MGIMO-University of the Russian MFA. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76.
E-mail: iaistomin@gmail.com.

Irina V. Bolgova – Cand. of Sciences (Historical Science), Associate Professor at MGIMO-University of the Russian MFA. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76.
E-mail: irinabolgova@gmail.com.

Artem P. Sokolov – Cand. of Sciences (Historical Science), Senior Lecturer at Moscow State Linguistic Institute. Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka street, 38, building 1.
E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru.

Vladimir A. Avatkov – Cand. of Sciences (Political Science), Associate Professor at Diplomatic Academy of the Russian MFA. Russia, 119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2 building 1.
E-mail: v.avatkov@gmail.com.

The article is written with the financial support from the Russian Science Foundation (project No. 17-78-20170).